
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

*Л.М. Жолос, М.С. Шевченко**Южный федеральный университет**Г. Ростов-на-Дону, Россия*

redaction-el@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
АРГУМЕНТИРУЮЩИХ ФУНКЦИЙ
В ВОЕННО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ****[Lyudmila M. Zholos, Marina S. Shevchenko Features of representation
of argumenting functions in military-legal discourse]**

The text of legal documents in the process of explanation and interpretation, understood as a complex of all texts of law, is the main component of a legal discourse oriented at all levels of society. From the position of sociolinguistics, legal and military discourses refer to an institutional type that stands in opposition to a person-oriented or personal one. Acting largely in the legal field, legal discourse is characterized, in addition to the dominant institutionality, by two other properties, which include performativity and intertextuality. From the point of view of lexical peculiarities, legal discourse, like military one, is characterized by the presence of a specific terminological system, where terminological units have values different from those commonly used, are accompanied by a peculiar lexical compatibility, management and order, characterized by neutrality and extra-contextuality.

Key words: legal discourse, military discourse, lexical features of legal discourse, terminological system, contextuality, passive voice, stylistic and grammatical features, argumentative functions.

Текст юридических документов в процессе разъяснения и толкования, понимаемый как комплекс всех текстов права – главная составляющая, ориентированная на все слои общества юридического дискурса, которой «присущ определенный подъязык, или иными словами, малая лингвистическая подсистема, содержащая набор языковых структур и единиц, заданных тематически однородной областью социального или профессионального функционирования языка» [12, с. 331]. Данный дискурс выполняет информативную (сообщения), декларативную (провозглашение определенных ценностей и идей), агитационно-прескриптивную (предписывающую совершить или воздержаться от определенных действий) и аргументирующую функции (обоснова-

ние позиции) посредством использования эксплицитных, также как и имплицитных средств. Как правило, участниками юридического дискурса являются «с одной стороны автор (зачастую профессионал-юрист) или «адресант» и реципиент или «адресат» с другой стороны» [7, с. 35]. Первый создает информационное сообщение, второй его анализирует и интерпретирует. Оба они находятся во взаимодействии согласно поведенческим нормам и преимущественно системе ролевых предписаний, что также отражает характер институциональности юридического дискурса.

Функционируя по большей мере в правовой сфере, юридический дискурс помимо доминирующей институциональности характеризуется двумя другими свойствами: перформативностью (способностью производить действие и осуществлять намерения адресанта) и интертекстуальностью (свойством документов ссылаться друга на друга, перенимая элементы, принадлежащие другим источникам, как содержательные, так и формальные). О.А. Крапивкина приводит следующие примеры: «*The people of the state of California do enact and ordain as follows...*» (Законопроект 601). «Здесь *do* маркирует следующие за ним перформативные глаголы *enact* и *ordain*, которые «в юридическом дискурсе означают выполнение обозначенного ими действия. Когда законодатель говорит *do enact*, это означает, что он тем самым вводит закон в действие» [9]. Лингвист подчеркивает, что реализующиеся главным образом в письменной форме «интертекстуальные связи между внутренними элементами юридического дискурса служат одним из средств превращения его в единое целое, способствуя преемственности в праве» [9].

Тематика многих лингвистических исследований связана косвенно или напрямую с рассмотрением лексических особенностей юридического дискурса. Данная актуальность обусловлена стремлением к изучению условий воздержания от потери юридической нормативности документа, которая влечет за собой неоднозначность интерпретаций лексических единиц. Вследствие того, что в ходе истории, учитывая свою строгую природу, язык официально-деловой документации конвенционализировался, на сегодняшний день, «лингвисты установили, что языковые средства юридического текста отбираются с целью совершенно исключить разночтения и двусмысленность и передать полноценную информацию реципиенту» [12, с. 335]. Так, Тюленев утверждает: «Одни и те же слова, особенно если это термины, могут повторяться из

предложения в предложение. Стилистические красоты приносятся в жертву ясности и предельной четкости выражения мысли» [14, с. 237]. Примечательно, что М.В. Торгашева, исследующая функционально-стилистические особенности юридического дискурса, говорит о том, что закон, бесспорно, служит ядром данного дискурса, но при этом его язык зачастую, подвергаясь некоторым изменениям, «плавно переходит в связанные с различными социальными сферами периферийные области» [16].

Что касается военной документации, которую представляют акты военного управления, а именно приказы, рапорты, доктрины, распоряжения, планы осуществления операций, уставы и т. д., то мы также обнаруживаем, что многие современные исследования посвящены ее особенностям. Мы придерживаемся точки зрения, что военная документация, так же, как и правовая, подвергается воздействию общих закономерностей официально-деловых документов, основной из которых служит употребление слов преимущественно в своих предметно-логических значениях. Как указывает И.Р. Гальперин, исключением из этой закономерности являются названия объектов, представляющие разнообразие условные обозначения (*track* – «гусеничный трак», *frag* – «осколочная граната»). «Они не являются метафорами, т.е. не несут в себе образно-изобразительных функций, а представляют собой лишь слова, обладающие условно-номинативными значениями» [4, с. 435]. Наличие такого рода обозначений – одно из отличительных свойств как военной, так и других видов документации. С точки зрения языковых особенностей лексического языкового уровня, служащие условным кодом как конвенциональные (закрепленные узусом и имеющие место быть в единой системе условных обозначений какого-либо отдельного вида техники или вооружения), так и спонтанные (окказиональные, существующие в пределах отдельно взятого коммуникативного письменного акта) аббревиатуры разной смысловой нагрузки являются неотъемлемой составляющей военной документации, например, ГРУ (Главное разведывательное управление), ДальВО (Дальневосточный военный округ), ТТХ (Тактико-технические характеристики), ЗУР (Зенитная управляемая ракета), КПВТ (Крупнокалиберный пулемет Владимира танковый), SFOR (Stabilization Force), DN (Department of the Navy), CSUSAF (Chief of Staff, United States Air Force), SA (Secretary of the Army), SACLANT (Supreme Allied Commander Atlantic), ADA (Air Defense Artillery) –

«Средства ПВО» и т.д. Юсупова, рассматривая структурные особенности военного дискурса английского языка, приводит следующий пример: «СН-47А обозначает следующее: СН – грузовой вертолет (*cargo helicopter*), 47 – номер конструкции, А – первая модификация» [17]. Военной документации армии РФ также свойственны подобные обозначения, в аббревиатуре Т-64Б Т – танк, 64 – номер конструкции, Б – вторая модификация; в Су-35С Су – многоцелевой истребитель, созданный на авиационно-промышленном комплексе АВПК «Сухой», 35 – номер конструкции, С – модификация для ВВС России. Профессор Л.Л. Нелюбин, а также А.А. Дормидонтов, исследующие специфику военного перевода, отмечают, что встречаются случаи, когда особое письменное изображение в англоязычной военной документации при усечении получают как сложные, так и простые, даже самые обычные слова. Примечательно, что почти все части речи, как знаменательные, так и служебные, могут подвергнуться сокращению, например, предлог *w/o* означает *without*, существительное *atks* – *attacks*, прилагательное *prim* – *primary*, глагол *atch* – *attach*, многокомпонентный термин *enгр cbt со* расшифровывается как *engineer combat company* «санерная рота», а *en* упоминается вместо *enemy*, *op* вместо *operator* «механик-водитель», *plt* вместо *pilot*, наречие *SW* вместо *southwest* и т. д. [10, 300]. Приведем также примеры юридических аббревиатур: ЕГРЮЛ (Единый государственный реестр юридических лиц), UNCTRAL – «ЮНСИТРАЛ» (*United Nations Commission on International Trade Law*), UCMJ (*Uniform Code of Military Justice*), STANAG (*NATO Standardization Agreement*), USATDS (*United States Army Trial Defense Service*), CLAMO (*The Center for Law and Military Operations*).

Как и остальным видам институциональных дискурсов юридическому свойственна особая специфическая терминологическая система, которая для переводоведов представляет огромный интерес. Понятие «юридический термин» определяется в юридическом энциклопедическом словаре как «словесное обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [2, с. 683]. Как утверждает Л.Ю. Буянова: «Когнитивно-деривационная и социальная сущность юридической лексики выражается в ее способности формировать понятийно-смысловые блоки, компоненты которых могут классифицироваться по определенным моделям» [3, с. 26]. Юридические

термины как в русском, так и в английском языках отличаются отсутствием эмоционально-экспрессивной окраски или нейтральностью, однозначностью, некоторой независимостью от контекста или внеконтекстуальностью, например: *преступление, уголовное судопроизводство, подлог, присяжные, подсудимый, выемка, дознание; the international court of justice; casting vote; act of violence, judicial organ* и т.д. Частым явлением служит то, что область применения терминов выходит за рамки юридического дискурса, следовательно, мы можем сделать вывод о том, что встречается как узкоспециальная, например, *апелляционная юрисдикция, criminal code, indictment, witness in attendance, a plaintiff*; так и широко распространенная терминология, например, *свидетель, evidence, espionage, remedies* («средства судебной защиты»).

Язык военной документации также без исключения изобилует специальными терминами, которые в английском языке образованы характерными для него способами. Терминологические единицы военного дискурса представляют как различные виды используемого вооружения и техники в армии, например, *звуковещательная станция, rocket launcher* «ракетная пусковая установка», *bazooka* «реактивный ручной противотанковый гранатомет», *fragmentation grenade* «осколочная граната», *breech* «замвор», *chamber* «патронник», *blank shot* «холостой выстрел»; так и непосредственно относятся к военному делу, например, *frontal penetration, artillery attack, встречный бой, радиоперехват, сухопутные войска*. Также исследователи отмечают наличие таких лексических сочетаний, где оба компонента являются общеупотребительными, и только их валентность позволяет такому сочетанию служить термином. В связи с этим конструкции этого типа терминологически неразложимы, как утверждает, исследуя структурно-содержательную специфику в военном дискурсе многокомпонентных терминов, Ю.Ю. Дуброва, приводя следующий пример: «*live round – боевой патрон*» [5, с. 139].

Ю.И. Сдобнова, исследуя военный дискурс, утверждает, что в меньшей степени лексически специфичен язык военно-уставных материалов. Ученый связывает это обстоятельство с содержанием самого устава как акта управления, определяющего деятельность войск, характер взаимоотношений между подразделениями, частями, личным составом, а также обязанности и права военнослужащих и т. п. Она отмечает, что так как военный дискурс исторически изменчив, то и его подязык, терминологические единицы в частности,

непрерывно преобразовывается [13, с. 106]. Модификация лексических значений, т.е. их расширение (например, означающее раньше только «получение, сбор», *acquisition* приобрело значение «обнаружение целей») или сужение (например, понятие *cruiser* «крейсер» раньше понималось как «любой корабль, находящийся в плавании»), а также заимствования (например, из немецкого языка *strafe* (*Strafe, f*) – «ураганный огонь», из французского языка *aide-de-camp* (*aide de camp, m*) – «адъютант») являются следствием нововведений, так называемой «институциональной эволюции», например, изобретения новых образцов техники, обмундирования и вооружения, феминизации вооруженных сил, разработки методов ведения военных действий и операций, отмены предшествующих или введения новых воинских званий и знаков отличия. Нередки случаи выпадения из обращения некоторых терминов и появление новых, которые происходят по тем же причинам. В подтверждение этому Т.С. Юсупова говорит о следующем: «В связи со структурными преобразованиями в американских ВВС сократили такую оперативную единицу как воздушная дивизия «*Air Division*» [17]. На сегодняшний день в армии РФ нет званий как фельдфебель, унтер-офицер, так и юнкер, тогда как сохранился целый унтер-офицерский состав в армии США, в который входят шесть званий. В зависимости от видов Вооруженных Сил за данным составом закреплены две терминологические единицы: «*noncommissioned officers*» или «*NCOs*» в Сухопутных войсках и ВВС, а «*petty officer*» в ВМС. Так, например, понятие «рекрут» стало историзмом для современной армии РФ после отмены рекрутской повинности, но «*recruit*» используется в иностранных армиях и обозначает новобранцев. Зачастую также происходит перенос значения терминов, например, будучи названием здания Министерства обороны США лексическая единица «*The Pentagon*» способна также обозначать и «Министерство обороны США» (например, «*Disabled soldiers will cost a lot of money, even if the Pentagon won't pay everything for them* – Содержание пострадавших солдат будет стоить немало денег, даже если Министерство обороны США не будет выплачивать им компенсацию в полном объеме»), а в неформальном дискурсе «американскую военицину» (например, «*I abhor the Pentagon and all about it*» – «Мне отвратна американская военицина и всё, что с ней связано» [10, с. 109].

Подчеркнем, что в сравнении с неформальным военным дискурсом, который присутствует в повседневной разговорной речи, а также и в художественной литературе, в военной документации недопустимо употребление профессионализмов, другими словами, так называемого «жаргона военных» или столь часто встречаемого для простоты общения в разговорной речи между представителями данной социальной группы «армейского сленга», служащего для краткости обозначения явлений и предметов армейской, авиационной или флотской жизни. Например: «Сегодня опять давали дробь 16» [15, с. 17]. Здесь за «дробью 16» из-за схожести с дробью в патроне калибром 16 закрепилось обозначение перловой каши. В официальной документации не встречаются такие лексические единицы, как *срочник*, *пиджак*, *дембель*; *flea bag* («койка в казарме»), *one ripper* («лейтенант») и т.п. Обстоятельство отсутствия подобных единиц свидетельствует о том, что свое выражение и в военном дискурсе находит разрыв, существующий между нормами литературного языка и нормами неформальной коммуникации. Оно также позволяет нам рассматривать в дальнейшем военную документацию как форму реализации институционального формального военного дискурса.

По мнению Н.Н. Ивакиной, исследующей лингвистические особенности юридического дискурса, язык права также наделен следующими чертами: наличие у многих слов значений отличных от общеупотребительных (например, *деятель*, *возбуждение*, *дача*, *производство*, *эпизод*, *case* «судебное дело», *chamber* «кабинет судьи» и др.), сопровождающееся своеобразной лексической сочетаемостью (*преступная деятельность*, *дача показаний*), управлением (*увольнение от должности*, *transfer to the reserve*) и порядком (*занятие врачеванием лицом*) и др. Так как синонимические замены преимущественно приводят к изменениям оттенков значения, требование их предельной точности ограничивает возможность употребления таких замен. Но в тоже время Н.Н. Ивакина подмечает, что юридический язык является стилевой разновидностью литературного языка и подчиняется его законам [6, с. 22]. Так, например, невзирая на строгость в употреблении, терминологические единицы в юридическом дискурсе могут иметь «дублиеты» для избежания стилистической монотонности, а не только вследствие наличия оттенков значений, например, *lawyer* и *counsel*.

К отличительным языковым особенностям юридического дискурса С.В. Тюленев относит употребление латинских фраз, которые, в отличие от научного стиля, не придают речи особую «ученость» и рафинированность, а являются терминологическими образованиями [14, с. 237]. Например, *retractatio juramenti* означает «оспаривание присяги на основании ее ложности», *corpus delicti* – «состав преступления», *trial de novo* – «повторное рассмотрение дела по существу». В целом, для официально-делового английского языка характерны слова именно латинского происхождения, например, *belligerence*, *repatriation* и т.д. Даже ключевое в правоведении обобщающее понятие «document» и соответственно «документ» произошли также от латинского слова «documentum», которое означает «образец, доказательство, свидетельство». В ходе истории оно было заимствовано многими европейскими языками. С.В. Тюленев в связи с этим говорит о необходимости учёта преобладания слов латинского происхождения в документации при переводе и призывает использовать, к примеру, «*commence*, *announce*, *assistance*» вместо «*begin*, *tell*, *help*» [14, с. 238].

Определёнными грамматическими средствами в юридическом дискурсе достигаются поставленные перед ним цели и задачи. Так объективность подачи информации обеспечивается превалированием настоящего времени глагола и страдательного залога. Преобладающей семантикой подлежащего, где наряду с существительными юридической тематики распространены существительные и местоимения с обобщающей семантикой (например, «*никто*, *мы*, *нижеподписавшиеся*; *all citizens*, *everyone*» и др.), передается всеобщий характер информации. Предписывающий характер информации достигается использованием глагольных структур со значением модальности возможности и модальности необходимости, например, «*должен выполняться*, *имеет право*; *be entitled to*».

Синтаксис юридического текста характеризуется полнотой структур, что проявляется в полносоставности предложения и отсутствии эллипсиса, а также обилием средств, которые оформляют логические связи. Частотны структуры со значением причины и условия. К тому же эти значения сопровождаются экспликацией при помощи специальных языковых средств (н-р, *в случае*, *если*, *по причине*; *in case of smth.*; *in the event of smth* и т.п.). Множество однородных членов предложения и однородных придаточных обусловлено потребностью в полном и однозначном выражении каждого положения. С.В. Тюленев пишет:

«Синтаксис таких документов может быть очень сложным и на первый взгляд запутанным. Но следует помнить, что юридический документ меньше всего рассчитан на удобочитаемость и понятность с первого прочтения» [14, с. 119].

Л.Л. Нелюбин утверждает, что синтаксис военных документов, как правило, отличается от других разновидностей деловой документации эллиптичностью, иными словами, стремлением к сжатости для сокращения времени последующей обработки документации к четкому разграничению мыслей и легкости понимания информации. Здесь зачастую опускаются не только служебные, например, ряд предлогов, артикли (например, «*Arms race resulted in anti-ballistic missiles increase*»), модальные глаголы *shall* и *will*, глагол *be* в простых предложениях (например, «*The operation announced to be fulfilled*»); но и знаменательные слова, которые при наличии должных знаний данного вида документации могут легко воспроизводиться из контекста или ситуации, например, «*The Pentagon gives orders to the [armed] forces*» [10, с. 485]. Однако другую характерную особенность военного дискурса представляют клишированные предложения, в которых «присутствуют те элементы, которые необходимы для передачи информации и без знания полной расшифровки каждого элемента, понять предложения такого типа представляется невозможным, например: *80th FA Bn: [render] GS; [establish] Comm [and] In [with the answer calls for] fire to ¼ avail sup rate to 2d Bde*» [10, с. 492].

Таким образом, отсутствие данных компонентов не препятствует правильному осмыслению информации. Тем не менее, что касается военной документации, а именно нормативных актов, то здесь использование длинных предложений со сложным синтаксисом, т.е. высоким уровнем подчинения (гипотаксиса) и обилием, нередко внутри одного предложения, причастных (в особенности, в русском языке, например, «*Ракеты, запускаемые по приближающимся целям для их отвлечения, называются ракетами-ловушками.*»), инфинитивных («*The enemy is reported to be moving to Hill X. Mobility and dispersion are the factors to influence modern nuclear combat*» [10, с. 30].), предложных и герундиальных оборотов или конструкций в английском языке («*The attacking units will continue moving widely separated until near the enemy*»), является неотъемлемой чертой, связанной с тяжестью нагрузки предложений информацией и необходимостью ее полной и однозначной передачи. Приведем примеры из учебного пособия при подготовке рейнджеров SH 21-76 Ranger

Handbook: «Если контакт с противником установлен, когда отделение/взвод находится за пунктом перехода, но в пределах рубежа передового подразделения своих войск, командир отделения/взвода отдает устное распоряжение, идти вперед или вернуться назад к проводнику»; а также из одного из многочисленных полевых уставов ВС США: «*While defense support of civil authorities (DSCA) is the current terminology used to describe this function, the terminology –military assistance or military support to civil authorities, military support of civil defense, and employment of military resources in natural disaster emergencies within the United States – has varied over the years*».

Исследователи, в частности, Л.Л. Нелюбин, С.В. Тюленев, И.Р. Гальперин, полагают, что страдательный залог в военной документации превалирует над активным также в силу объективности, точности представления информации и конкретности формулировок, по этой же причине данная документация также характеризуется использованием простых временных глагольных форм, а именно преобладанием абсолютного настоящего времени.

С.В. Тюленев подчеркивает наличие в значительной степени клишированности в строгой форме составления как юридической, так и военной документации, причиной чему служит специфическая направленность тематики. Например, отклонения от форм распоряжения, боевого приказа, донесения, наставления, рапорта являются не только нарушением стилистических норм, но и установленного нормативного и военного порядка. «Известно, что практически у всех официальных организаций есть шаблоны основных документов, а в таком случае переводчик, руководствуясь ими, составляет документы по старым образцам, учитывая новые данные» [14, с. 235].

Рассматривая другие структурно-композиционные особенности военной документации, подчеркнем, что в военных документах особенно тщательно проводится деление единиц сообщения на абзацы, которые маркируются буквенными или цифрованными обозначениями (например, в английском языке буквами латинского алфавита и арабскими цифрами). Здесь важен порядок следования частей, т.е. разделов, пунктов и подпунктов, существенна точность передачи времени и дат, координат, географических наименований, нумерация и наименования частей и подразделений, а также другие данные, представляющие значение для военных специалистов порой даже большее чем содержательная составляющая документа. Именно поэтому в процессе

перевода военных материалов адекватность подразумевает не только точную передачу содержания подлинника, но и более тщательную передачу его структурной формы и расположения материала. Данные особенности для дилетанта могут казаться формальными и ненужными, но, тем не менее, профессионал понимает, что здесь не позволительна смена обозначений, например, замена видов нумераций, транслитерация кириллицей букв латинского алфавита или греческого. В обязанности переводчика входит также сохранение нумерованных абзацев текста по образцу оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М., 2004.
2. *Барихин А. Б.* Большой юридический энциклопедический словарь М., 2004.
3. *Буянова Л.Ю.* Термин как единица логоса. Краснодар, 2002.
4. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
5. *Дуброва Ю. Ю.* Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Москва, 2012.
6. *Ивакина Н.Н.* Совмещение элементов научной и официально-деловой речи в синтаксисе юридического документа. В кн.: Язык и стиль научного изложения: Лингвистические исследования. М., 1983.
7. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.
8. *Карасик В.И.* Этнокультурные типы институционального дискурса / Этнокультурная специфика речевой деятельности. М., 2000.
9. *Кративкина О.А., Непомилов Л.А.* Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9.
10. *Нелюбин Л.Л., Дормидонтов А.А., Васильченко А.А.* Учебник военного перевода. Английский язык. М., 1972.
11. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.
12. *Сараева Н.А.* Язык юридического дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 7. Ставрополь, 2009.

13. *Сдобнова Ю.И.* Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе ВС Франции. М., 2014.
14. *Тюленев С.В.* Теория перевода: Учебное пособие. М., 2004.
15. *Уланов А.В.* К вопросу о синтезе военного и художественного дискурсов. М., 2013.
16. *Торгашева М.В.* Функционально-стилистические особенности юридического дискурса. 2010. Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/torgasheva_m_v_funktionalno_stilisticheskie_osobennosti_juridicheskogo_diskursa/2-1-0-79 (дата обращения: 17.10.2017)
17. *Юсупова Т.С.* Структурные особенности военного дискурса. 2009. Режим доступа: http://www.ssc.smr.ru/journals/izvestia/2009/2009_4_1055_1058.pdf (дата обращения: 17.10.2017)
18. *Жолос Л.М.* Игра слов в художественном тексте как переводческая проблема // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. <http://www.hses-online.ru>

REFERENCES

1. *Alekseeva I.S.* Introduction to translation studies. М., 2004.
2. *Barikhin A.B.* Large legal encyclopedic dictionary М., 2004.
3. *Buyanova L.Yu.* The term as a unit of the logo. Krasnodar, 2002.
4. *Galperin I.R.* Essays on the style of English. М., 1958.
5. *Dubrova Yu.Yu.* Structural-content specificity of multicomponent terms in military discourse // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Moscow, 2012.
6. *Ivakina N.N.* Combination of elements of scientific and official speech in the syntax of a legal document. In: Language and style of scientific presentation: Linguistic research. М., 1983.
7. *Karasik V.I.* On the Types of Discourse // Linguistic Person: Institutional and Personal Discourse. Volgograd, 2000.

8. *Karasik V.I.* Ethno-cultural types of institutional discourse / Ethno-cultural specificity of speech activity. M., 2000.
9. *Krapivkina O.A., Nepomilov L.A.* Legal discourse: concept, functions, properties // Humanitarian scientific research. 2014. No. 9.
10. *Nelyubin L.L., Dormidontov A.A., Vasilchenko A.A.* Textbook of military translation. English. M., 1972.
11. *Nelyubin L.L.* Explanatory translation dictionary. M., 2003.
12. *Sarayeva N.A.* The language of legal discourse // Language. Text. Discourse: Intercollegiate Scientific Almanac / Ed. prof. G.N. Manaenko. No 7. Stavropol, 2009.
13. *Sdobnov Yu.I.* Linguistic representation of modern social trends in the institutional discourse of the French Armed Forces. M., 2014.
14. *Tyulenev S.V.* Translation theory: Textbook. M., 2004.
15. *Ulanov A.V.* To the question of the synthesis of military and artistic discourses. M., 2013.
16. *Torgasheva M.V.* Functional-stylistic features of the legal discourse. Access mode: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/torgasheva_m_v_funkcionalno_stilisticheskie_osobennosti_juridicheskogo_diskursa/2-1-0-79 (date of circulation: 17.10.2017)
17. *Yusupova T.S.* Structural features of military discourse. 2009. Access mode: http://www.ssc.smr.ru/journals/izvestia/2009/2009_4_1055_1058.pdf (date of circulation: 17.10.2017)
18. *Zholos L.M.* The play of words in an artistic text as a translation problem // Humanities and Social Sciences. 2016. № 6. <http://www.hses-online.ru>

19 октября 2017 г.
